

нических Вокален hat er sich später mehr und mehr den nah und fern verwandten Sprachen zugewandt. Sein Interesse galt auch exotischeren Sprachen, wie beispielsweise dem Türkischen, Mongolischen und Koreanischen. Von den verwandten Sprachen hegte er — was sich besonders in Form von Büchern widerspiegelt — eine Zuneigung für Erscheinungen des Livischen, Wepsischen und vor allem des Estnischen. Über das Estnische sind die Monographien «Viron õ» und «Viron toinen ja kolmas kvantiteetti kielen oppijan kannalta» (beide 1986), «Viron vokaalisointu» (1988), «Viron monikon partitiivi suomalaisen oppijan kannalta» (1991) her-

ausgegeben worden. An der Universität Turku hat er Vorlesungen über die estnische Phonetik gehalten. In den letzten Jahren zeigte er gewachsenere Interesse für die Vokale der estnischen Dialekte.

Professor Kalevi Wiik ist Ehrendoktor der Universität Tartu. Neben anderen Titeln, Diplomen und gesellschaftlichen Ämtern mißt er auch dem Umstand, daß er das erste ausländische Mitglied der Akademischen Gesellschaft für Muttersprache Estlands ist, große Bedeutung bei.

Grüße und Glückwünsche zum Jubiläum übermitteln auf diesem Wege seine hiesigen Freunde und Kollegen.

REET KASIK (Tartu)

<https://doi.org/10.3176/lu.1992.4.08>

Matti Punttila, Impilahden karjalaa, Helsinki 1992
(Castrenianumin toimitteita 41). 126 с.

Говор Импилахти карельского языка распространён на северном побережье Ладожского озера. Вместе с диалектом, на котором говорят в Салми, Иломанси, Соанлахти, Суйстамо и Корписелкя, он относится к т. н. Пограничной Карелии (Raja-Karjala).

В последнее тысячелетие деревни Импилахти не раз служили ареной борьбы между Швецией и Россией. Не обошла стороной Импилахти и Вторая мировая война пятьдесят лет тому назад. На протяжении веков здешние жители неоднократно вынуждены были покидать отчий дом. Смена населения произошла в 1656—1658 гг., во время войны между Швецией и Россией, когда примерно 2000 исповедовавших православие жителей Импилахти бежали в сторону России. Им на смену с Запада, прежде всего с территории Саво, пришли лютеране. Годами испытаний стала для Импилахти Северная война: население сократилось до 48 дворов. Во второй половине XVIII века в здешних деревнях карел и финнов было поровну. Смешанные деревни и финско-карельское двуязычие оставались характерными для Импилахти и в конце 1930-х годов — накануне Зимней войны. Очевидно, именно благодаря этим смешанным деревням у лингвистов сложилось до-

вольно равнодушное отношение к фиксации и сохранению языка Импилахти: местные говоры не считались чистыми и достойными стать объектом исследования. По данным словаря карельского языка I (KKS), началом исследования говоров Импилахти можно признать 1932 год, когда Эмма Лескинен заполнила здесь 1260 словарных карточек. В 1933 г. в Импилахти записано 18 667 словарных карточек со старыми словами. В KKS доля материала из Импилахти очень мала, в III части его, по мнению составителей, она не превышает одного процента.

Наряду с лексикой минимально публиковались и тексты: до сих пор изданы лишь записанные в Руокоярви рассказ, поговорки, шутки, предсказания погоды, верования и т. п. Эйно Лескинен опубликовал их во II части своего сборника текстов «Karjalan kielen päyhteitä» (с. 92—102). Импилахтиский материал он поместил среди ливвиковских говоров т. н. финской стороны. На с. VI Эйно Лескинен все же счёл необходимым отметить: «Говор Импилахти наряду с говорами Корписелкя и Иломанси представляет собой смесь савоских говоров Северной Карелии, с одной стороны, и карельских говоров, с другой. По фонетическим признакам упомянутые четыре (Салми, Им-

пилахти, Корписелкя, Иломантси) относятся к собственно карельскому диалекту».

Образцы текстов из Импилахти он сопровождает еще одним замечанием: «Как выясняется из языковых примеров, в диалекте Импилахти со старым соседствует много нового материала. Заимствования частично показывают характер влияний, вторгавшихся с запада».

Теперь опубликованные импилахтские тексты пополнились: в серии «Castgenianumin toimitteita» в 1992 г. издано собрание текстов Матти Пунттила «Impi-lahden karjalaa».

По словам автора, в фонотеке Государственного научно-исследовательского центра языков Финляндии (Kotimaisten kielten tutkimuskeskus) хранится на 28 ч 35 мин записей карельского говора Импилахти. В печать попали из них лишь записи на 1 ч. Рассказывают уроженка деревни Кителя Феодосия Пастуков (1882—1966), а также Фекла Папунен (1890—1971) и Александер Ахола (род. в 1903) из деревни Руокоярви.

В Импилахти карельский и финский языки испытали сильное взаимное влияние. Импилахтский диалект тем самым представляет собой в определенном смысле переходный диалект. Взаимпроникновение карельского и финского особенно проявляется в лексике говоров Импилахти. Часто карельские и финские слова употребляются параллельно: *sauna* 'баня' — *külü* (31), *jeŋŋat* (19) 'деньги' — *raha* (82). Встречаются и другие пары слов: *liävä* — *navetta* 'хлев', *svuad'bat* — *hiät* 'свадьба', *kirikkö* — *kirkko* 'церковь' и т. д.

В лексике обнаруживается целый ряд слов русского происхождения, особенно существительных: *gluadana* (37) 'ладан', *vešši* (28) 'вещь', *vuaba* (29) 'повивальная бабка', *pättši* (33) 'печь', *neveskä* (46) 'невестка', *medla* (34) 'метла', *sarai* (93) 'сарай', *russakka* (49) ~ *bruzakka* (47) 'прусок (таракан)' и т. п. Заимствованные из русского прилагательные оканчиваются на *-oi*, как и в других карельских диалектах (*tšistoi* (28) 'чистый' и др.). Русским влиянием следует объяснять и способ присоединения деминутивного суффикса к существительному: *tšuaškani* (38) 'чашечка'. Встречаются также глаголы, заимствованные из русского языка: *zavo-*

die (70) 'зачинать', *stiraija* (17) 'стирать белье' и др. Возводимы к русскому также *libo* (17), *davaï* (25), *daa* (77).

Ряд встречающихся в тексте терминов свидетельствует о принадлежности носителей говора к православному вероисповеданию и связанной с ним культуре: *spuasampäivä* ~ *spuasampühä* (20) 'праздник Спаса', *heinargi* (20) 'период без постов, от Петрова дня до Рождества Богородицы', *petrunpäivä* 'Петров день'.

И напротив — о влиянии современного финского языка говорят такие слова, как *valokuvuaminen* (58) 'фотографирование', *nimismies* (59) 'становой пристав', *junaliigenne* (59) 'движение поездов', *püzäkki* (60) 'остановка', *maatalous* (60) 'сельское хозяйство', *sadamarkkane* (83) 'купюра в 100 марок' и др.

Формообразование тоже имеет как финские (особенно савоские), так и, разумеется, карельские черты. Как иначе воспринимать форму *vanhoja asioita* (66) 'старые вещи' (вин. пад.)?

Парадигма склонения в говоре сходна с таковой в карельском языке. Для односложных, а также двух- и многосложных слов закономерно множественное число на *-loi / -löi*: *puuloih* (92) 'в деревья', *külülöis* (30) 'в банях', *tikkuloista* (34) 'о спичках', *taloloissa* (35) 'в домах', *peldilöi* (38) 'печных заслонок', *kädilölöi* (29) 'повивальных бабок', для слов с основой на *-a* — множественное число на *-oi / -öi*: *živattoi* (41) 'животных'. Если в первом слоге выступает *o* или *u*, то образуется множественное число на *i* (*pojil* (49) 'сыновьям, у сыновей'). В то же время наряду с похожей на карельскую форму *vandahiks* (80) 'лемехами' встречается *vandaida* 'лемехи' (вин. пад.) вместо ожидаемой *vandahie*.

Морфология глагола тоже в общих чертах сходна с таковой карельского языка. Интересным образом граница употребления суффикса партиципа *-nut / -nüt* и *-nun / -nün* проходит как раз между информантами.

Сборник текстов М. Пунттила не представляет собой традиционной построенной по темам книги: весь текст — это спонтанная беседа на различные темы. Не обычен и перечень (частотный) слов, встречающихся в книге.

В наше время отмирания диалектов

и даже языков не может быть более ценных и менее ценных диалектов и языков. В этом смысле работа М. Пунттила играет особенно важную роль. Может

быть, она вдохновит и других исследователей обнародовать материал какого-нибудь говора и тем самым спасти его от окончательного забвения.

ЯАН ЫИСПУУ (Таллинн)

Seppo Lallukka, *The East Finnic Minorities in the Soviet Union. An Appraisal of the Erosive Trends*, Helsinki 1990 (Suomalaisen tiedeakatемian toimituksia. Sarja B. Nide 252). 344 с.

На эту монографию уже опубликована рецензия А. Кюннапа (1991: 205—209). Тем не менее ее значение настолько велико и для уралистов, и для всей финно-угорской общественности, что есть необходимость взглянуть на рассматриваемый труд и с точки зрения представителя одной из изучаемых им национальностей, а именно коми. К тому же со сферой научных интересов автора совпадает и любительский интерес рецензента (Цыпанов 1989а; 1989б; 1989в; 1990; Тсурапов 1990). С другой стороны, целесообразно краткое реферирование основных положений монографии (естественно, не повторяя мыслей А. Кюннапа) из-за недоступности ее для широкого российского читателя. Об этом можно судить уже по тому факту, что на рецензируемую монографию не было пока никаких откликов и даже ссылок в работах коми этнографов и историков.

Монография написана на очень большом материале, почерпнутом из всевозможных источников. Она состоит из введения, девяти глав, заключения и приложений. При чтении ее необходимо часто обращаться к примечаниям, где встречаются и очень ценные цитаты, цифры, пояснения. К сожалению, примечания приходится часто сверять и с приведенными ниже библиографическими данными, это не совсем удобно.

Во «Введении» автор справедливо говорит о важности темы исследования, а также о том, что мордва, марийцы, коми и удмурты в сопоставительном плане крайне плохо изучены как на Западе, так и в бывшем СССР. В центре внимания автора — выявление разрушительных тенденций в развитии восточных финно-угорских народов.

Глава «Теоретические перспективы на этнос и этническое разрушение» содержит важные положения относительно концепции этноса, этнического разрушения, модели этнической изменчивости, а также скрупулезный обзор советской теоретической литературы по вопросам этнической классификации, разнообразия и унификации народов. Автор анализирует изменения в оценках народов СССР, содержащиеся в партийных программах и подобных документах, избилующих политическим словоблудием, надуманностью, утопическими положениями. С. Лаллукка не стремится к исчерпывающему определению этноса из-за чрезвычайно многообразного, многомерного его содержания. Опираясь на работы ведущих западных ученых, он раскрывает понятие этнической самоидентификации, которая находит выражение в 1) персональной идентификации, 2) этнической социальной идентификации, 3) этнической коллективной идентификации, включая чувство единородности в этнической группе. Отсюда, по мнению автора, ассимиляция представляет собой разрушение этнических уз между персональным и коллективным аспектами идентификации, когда человек уже ничем не связывает себя с определенной этнической группой. Выделяется два вида ассимиляции: культурная и структурная. На основе модели этнической динамики автор пытается выяснить, как глубоко восточные финно-угорские народы вовлечены в ассимиляционные процессы.

Необходимо отметить незаурядность подобного подхода, ведь даже в «перестроечные» годы наши этнографы и историки не называли вещи своими именами, а ассимиляционные процессы маскирова-